

Рецензент
доктор филологических наук
Н. Н. Скатов

Художник
Г. В. Дмитриев

Белов С. В.

Б43 Жена писателя: Последняя любовь Ф. М. Достоевского. — М.: Сов. Россия, 1986.—208 с., 8 л. ил.

Книга расскажет о жизни и деятельности Анны Григорьевны Достоевской — жене и помощнице писателя, сыгравшей выдающуюся роль в истории русской литературы и культуры.

Перу А. Г. Достоевской принадлежит **универсальный** библиографический указатель произведений Достоевского и литературы о нем; она семь раз издавала собрания сочинений писателя, сохранила его «Письма»; организовала книжный магазин по продаже его сочинений; открыла в Старой Руссе специальную школу имени Достоевского; **подготовила к печати** свои «Воспоминания» и «Дневник».

В книге использованы новые архивные материалы и фотографии.

Б 4603010202- 085 79-87
М-105(03)86—

8Р1

Издательство «Советская Россия», 1986 г.

делает меня до того счастливою, что я порою думаю, что и не стою такого счастья...»¹

Писатель и стенографистка так привыкли друг к другу во время совместной работы над «Игроком», что оба искренно огорчились, когда роман стал подходить к концу. Достоевский почувствовал в Анне Григорьевне прежде всего добре сердце. В одном из своих писем в это время он рассказывал: «Стенографка моя, Анна Григорьевна Сниткина, была молодая и довольно пригожая девушка, 20 лет, хорошего семейства, превосходно кончившая гимназический курс, с чрезвычайно добрым и ясным характером. Работа у нас пошла превосходно...»²

29 октября 1866 года Достоевский продиктовал Анне Григорьевне заключительные строки «Игрока». Он задумал это произведение еще возле умирающей первой жены, Марии Дмитриевны Исаевой. Это был роман о второй любви-страсти к Аполлинарии Прокофьевне Сусловой. А помогла ему создать его Анна Григорьевна Сниткина. Так «Игрок» каким-то таинственным образом соединил три самых больших любви в его жизни...

В феврале 1854 года ссылочно-каторжный петрашевец Федор Достоевский, отбывший полный срок каторжных работ, был зачислен рядовым в Сибирский 7-й линейный батальон, стоявший в Семипалатинске. Через несколько месяцев после приезда Достоевский знакомится с бедным таможенным чиновником Александром Ивановичем Исаевым и его женой Марией Дмитриевной (урожденной Констант, по деду француженкой) и страстью влюбляется в нес.

Еще перед отъездом в ссылку Достоевский писал жене

¹ Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (далее ИРЛИ), 30773/ССХХ6. З. Частично опубликовано: Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. — Сб. 2. — С. 310.
² Достоевский Ф. М. Письма. — Т. 2. — М.; Л., 1930. — С. 3.

декабриста М. А. Фонвизина, замечательной русской женщине Наталье Дмитриевне Фонвизиной (1805—1869), подарившей вместе с П. Е. Анненковой, Ж. А. Муравьевой ему, С. Ф. Дурову и И. Л. Ястржемbsкому Евангелие четыре года назад в Тобольске, по дороге на каторгу (они знали, что это единственная книга, которую разрешается читать в остроге), и «благословившей его в новый путь»: «Я в каком-то ожидании чего-то; я как будто все еще болен теперь, и кажется мне, что со мной в скором, очень скром времени должно случиться что-нибудь очень решительное, что я приближаюсь к кризису всей моей жизни, что я как будто созрел для чего-то, и что будет что-нибудь, может быть, тихое и ясное, может быть, грозное, но во всяком случае неизбежное»¹.

Пророческое предчувствие перелома в судьбе не обмануло Достоевского.

В 1854 году Марии Дмитриевне Исаевой было двадцать девять лет. «Довольно красивая блондинка среднего роста,— вспоминает семипалатинский друг Достоевского Александр Егорович Врангель,— очень худощавая, натура страстная и экзальтированная... Она была начитана, довольно образована, любознательна, добра и необыкновенно жива и впечатлительна»².

Но жизнь ее сложилась неудачно. Дочь начальника астраханского карантинса, учившаяся в пансионе и танцевавшая «с шалью» на дворянских балах (почетная привилегия особо отличившихся воспитанниц закрытых учебных заведений — в «Преступлении и наказании» «при выпуске с шалью танцевала» Катерина Ивановна Мармеладова, в образе которой нашли отражение многие черты характера Марии Дмитриевны Исаевой), вышла замуж, как оказалось, за довольно слабовольного человека Александра Ивановича Исаева. Потеряв службу и оставшись без мес-

¹ Достоевский Ф. М. Письма.— Т. 2. — С. 143.

² Врангель Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854—1856 гг.— Спб., 1912.— С. 38.

та и без всяких средств к существованию, он горько запил и вскоре совсем опустился.

Пьяница муж, постоянная бедность, убогая провинциальная жизнь — такова была жалкая участь пылкой мечтательницы. И вдруг — рядовой Сибирского 7-го линейного батальона Федор Достоевский. Он, конечно, «человек без будущего», так как попал в политическую историю и на всегда останется рядовым, но ведь он писатель, а среди ее знакомых никогда не было ни одного из этого сословия. Врангель свидетельствует, что она приняла в нем горячее участие, «приласкала его, не думаю, чтобы глубоко оценила его, скорее пожалела...».

Она приблизила к себе Достоевского, ввела в свой дом, открыла путь в местное общество. Все это не могло не вызвать в Достоевском глубокой благодарности, привязанности и беспредельной преданности. Чувство жалости и сострадания он принял за любовь.

Писателя целиком захватила эта первая большая любовь, тем более что и внешний вид Марии Дмитриевны, хрупкой и болезненной (у нее был туберкулез), душевная беззащитность молодой женщины вызывали в нем постоянное желание помогать ей, оберегать ее, как ребенка.

Но главное, она была несчастна, а еще на каторге, находясь сам в страшных условиях, он все четыре каторжных года думал о том, что такое страдания, какова их роль в жизни и судьбе человека? Каторга помогла Достоевскому найти свой особый путь к познанию жизни, все стороны им продуманный и мучительно выстраданный.

Чаще всего счастье и смысл жизни, по Достоевскому, достигаются путем страданий, которые дают человеку ключ к сочувственному пониманию чужого горя, делают его нравственно более чутким и жизненно более опытным и закаленным. В связи с излюбленной идеей Достоевского о благотворном значении страданий необходимо отметить необыкновенно глубокую, всеохватывающую мысль его о виновности и ответственности каждого перед всеми

и всех перед каждым,— мысль, положенная в основу ранней его повести «Слабое сердце». Человек не имеет права замыкаться в себе, жить лишь для себя, человек не может проходить мимо несчастий, царящих в мире, человек ответствен не только за собственные поступки, но и за всякое зло, совершающееся в мире, неустанно повторял Достоевский.

Вот почему страдания Марии Дмитриевны привлекли внимание Достоевского — писателя и человека и вызвали в нем немедленное желание помочь любимой женщине. А любить, по Достоевскому, значит уметь жертвовать собой и всем сердцем, всей душой откликаться на страдания любимого человека, даже если бы для этого пришлось самому терзаться и мучиться.

Но ведь и судьба самого Достоевского была трагична, и это сострадание друг к другу и послужило, вероятно, причиной того, что отношения приняли сложный характер: иногда сострадание принималось за любовь, а любовь за сострадание, а чаще всего чувства эти так неразрывно переплетались вместе, что невозможно было отличить одно от другого.

И вдруг катастрофа: в мае 1855 года Исаев получил место в Кузнецке, за шестьсот верст от Семипалатинска, и Достоевскому пришлось расстаться с Марийей Дмитриевной, и это как раз в те дни, когда он поверил в ее взаимность. Отчаяние Федора Михайловича было беспредельно, он ходил, как помешанный.

«Сцену разлуки я никогда не забуду,— вспоминает Александр Егорович Врангель,— Достоевский рыдал наизрыд, как ребенок... Тронулся экипаж... вот уже еле виднеется повозка... а Достоевский все стоит, как вкопанный, безмолвный, склонив голову, слезы катятся по щекам... Мы вернулись к себе на рассвете. Достоевский не прилег,— все шагал и шагал по комнате и что-то говорил сам с собою. Измученный душевной тревогой и бессонной ночью, он отправился в близлежащий лагерь на учение. Вер-

нувшись, лежал весь день, не ел, не пил, и только нервно курил одну трубку за другой... Он еще более похудел, стал мрачен, раздражителен, бродил как тень...»¹

По словам Врангеля, Достоевский был в восторге от Исаевой, все повторял, какая ока замечательная, и удивлялся, что такая женщина ответила на его любовь.

«Судя по тому, как мне тяжело без вас,— пишет Достоевский Марии Дмитриевне чуть ли не на другой день после ее отъезда,— ...я сужу о силе моей привязанности... Вы писали, что вы расстроены и даже больны. Я до сих пор за вас в ужаснейшем страхе... Боже мой! Да достойна ли вас эта участь, эти хлопоты, эти дрязги, вас, которая может служить украшением всякого общества!.. Вы же удивительная женщина, сердце удивительной, младенческой доброты, вы были мне как родная сестра... Женское сердце, женское сострадание, женское участие, бесконечная доброта... Я все это нашел в вас...»²

В августе 1855 года Достоевский получил от Марии Дмитриевны извещение о смерти ее мужа. Она оказалась в незнакомом ей Кузнецке, одна, без средств, без родных и знакомых, с маленьким сыном на руках. Достоевский тотчас же предложил Марии Дмитриевне выйти за него замуж. Им руководило одновременно и желание спасти ее от нищеты, и чувство горячей любви, и стремление создать семью (Достоевскому шел тридцать четвертый год).

Но Мария Дмитриевна в ответ на пылкие письма возлюбленного, настаивавшего на немедленном ее согласии на брак, отвечала, что не знает, как ей поступить. Достоевский сознавал, что основной преградой к «устройству нашей судьбы», как она называла его предложение о браке, было его довольно жалкое социальное положение: рядовой, бывший каторжник.

¹ Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854—1856 гг. С. 50, 51, 52.
² Достоевский Ф. М. Письма.— Т. 1.— С. 152, 153.

Однако после смерти Николая I и восшествия на престол Александра II появилась надежда на улучшение, части бывших петрашевцев. Осенью 1855 года Достоевского произвели вunter-офицеры. Это так окрылило его, что в начале 1856 года он сообщил брату о своем намерении жениться: «Мое решение принято и хоть бы земля развалилась подо мною, я его исполню... Мне без того, что теперь для меня главное в жизни, не надо будет и самой жизни...»¹

Но из Кузнецка приходят тревожные вести: Мария Дмитриевна грустит, отчаивается, больна, окружена кумушками, которые сватают ей женихов. Достоевский любил со всей страстью поздней первой любви и вдруг узнал «громовое известие», как писал он Врангелю 23 марта 1856 года: Мария Дмитриевна получила предложение и просит у него совета, как ей поступить, «прибавляет, что она любит меня, что это одно еще предположение и расчет. Я был поражен, как громом, я зашатался, упал в обморок и проплакал всю ночь. Теперь я лежу у себя. Неподвижная идея в моей голове! Едва понимаю, как живу и что мне говорят. О, не дай господи никому этого страшного грозного чувства. Велика радость любви, но страдания так ужасны, что лучше бы никогда не любить. Клянусь вам, что я пришел в отчаяние. Я понял возможность чего-то необыкновенного, на что бы в другой раз никогда не решился... Я написал ей письмо в тот же вечер, ужасное, отчаянное. Бедненькая! ангел мой! Она и так больна, а я растерзал ее! Я, может быть, убил ее моим письмом. Я сказал, что я умру, если лишусь ее. Тут были и угрозы, и ласки, и *«униженные»* просьбы, *«знаю что»*².

Все письма к Врангелю этого периода полны жалоб, сомнений, просьб, отчаяния: «Я погибну, если потеряю

¹ Достоевский Ф. М. Письма.— Т. 2.— С. 561, 562.

² Там же.— Т. 1.— С. 169.

своего ангела; или с ума сойду, или в Иртыш!»¹ Переписка с самой Марией Дмитриевной принимает все более напряженный характер. Она все чаще упоминает о местном учителе начальной школы, друге покойного мужа, Николае Борисовиче Вергунове, довольно красивом молодом человеке двадцати четырех лет.

Достоевский решается на отчаянный поступок. Получив служебную командировку в Барнаул, он тайно уехал из Барнаула в Кузнецк. Но вместо радостной встречи с любимой женщиной он попадает в ситуацию, описанную им в ранней повести «Белые ночи» и предваряющую сцену в его будущем романе «Униженные и оскорбленные». Мария Дмитриевна бросилась Достоевскому на шею и, плача, целуя его руки, призналась, что полюбила Николая Борисовича Вергунова и собирается выйти за него замуж.

Достоевский молча выслушал ее признание, а затем, скрывая собственные чувства, начал рассудительно обсуждать возможный брак своей возлюбленной с учителем Вергуновым, который оказался еще беднее его самого, но зато имел два неоспоримых преимущества перед ним: был молод и красив.

Мария Дмитриевна настаивает на встрече Достоевского с соперником. Во время этой встречи Вергунов плачет на груди у Достоевского («с ним я сошелся, он плакал у меня, но он только и умеет плакать!» — вспоминал писатель²), сам Достоевский рыдает у ног своей возлюбленной, а Мария Дмитриевна, в слезах, примиряет соперников. Действительность как бы предвосхищает вымысел многих произведений Достоевского, и прежде всего романа «Униженные и оскорбленные».

И вдруг отвергнутый Достоевский, как и Мечтатель в «Белых ноках», как и Иван Петрович в «Униженных и оскорбленных», решил принести в жертву собственную лю-

бовь ради нового чувства Марии Дмитриевны (ведь любить, по Достоевскому, значит уметь жертвовать собой) и не мешать своему счастливому сопернику.

Совершенно неожиданно для Достоевского произошел психологический поворот. Мария Дмитриевна была настолько потрясена тем, что он не только ни разу не упрекнул ее, а еще и заботится о ее будущем (точь-в-точь как Наташа в «Униженных и оскорбленных» говорит Ивану Петровичу: «Добрый, честный ты человек! И ни слова-то о себе! Я же тебя оставила первая, а ты все простили, только о моем счастье и думаешь»), что в ней снова всколыхнулись жалость и нежность к Достоевскому, сострадание к его преданной любви. «Она вспомнила прошлое, и ее сердце опять обратилось ко мне,— писал Федор Михайлович Врангелью.— ...Она мне сказала: «Не плачь, не грусти, не все еще решено; ты и я и более никто!» Это слова ее положительно. Я провел, не знаю какие два дня, это было блаженство и мученье нестерпимые! К концу второго дня я уехал с <полной> надеждой...»³

Но не успел Достоевский возвратиться в Семипалатинск, как Мария Дмитриевна написала ему, что «тоскует, плачет» и любит Вергунова больше, чем его. Достоевский снова «как помешанный в полном смысле слова»⁴, это не мешает ему жертвовать собой ради счастья любимой женщины. Победив ревность и горечь, он хлопочет о пособии Марии Дмитриевне за службу мужа, ходатайствует об определении ее сына в кадетский корпус, беспокоится об устройстве Вергунова на лучшее место. «Это все для нее, для нее одной,— пишет Достоевский Врангелью в Петербург.— Хоть бы в бедности-то она не была... Если уж выйдет за него, то пусть хоть бы деньги были...»⁵

Достоевский уже считал Марию Дмитриевну потерянной для себя навсегда, и вдруг снова загорелась надежда.

¹ Достоевский Ф. М. Письма.— Т. I.— С. 189.

² Там же.— С. 191.

³ Там же.— С. 192.

Первого октября 1856 года его произвели в офицеры — а это открывало возможность возвращения в Петербург, занятия любимым делом — литературным трудом. (Еще создавая свое первое произведение «Бедные люди», он понял, что без литературы он больше не мыслит своего существования, что отныне литература станет его жизненным делом и трагической судьбой.)

Трудно сказать с уверенностью, под влиянием ли этих новых обстоятельств или по изменчивости своего характера, а скорее всего, просто по той причине, что Мария Дмитриевна в глубине души все-таки не переставала по-своему любить Достоевского, хотя эта любовь никогда не была страстной и иступленной, она заметно охладела к Вергунову, и вопрос о браке с ним как-то вдруг отпал сам по себе.

И снова меняется и тон, и стиль ее писем к Достоевскому: это уже нежные письма любящей женщины к своему единственному и верному избраннику. А Достоевский опять воспрянул духом, и снова встал вопрос о браке. Он чувствует, что дальше такая неопределенность продолжаться не может. «Она по-прежнему *все* в моей жизни... Люблю ее до безумия,— пишет Достоевский Врангелю в ноябре 1856 года.— ...Разлука с ней свела бы меня в гроб или буквально довела бы меня до самоубийства... Я несчастный сумасшедший! Любовь в таком виде есть болезнь¹.

В ноябре 1856 года Достоевский снова едет в Кузнецк, получает согласие Марии Дмитриевны выйти за него замуж и 6 февраля 1857 года ведет ее под венец. Он безумно счастлив, не подозревая, конечно, какой тяжелый удар ждет его впереди. На обратном пути, когда молодожены остановились в Барнауле, у Достоевского от всех волнений и всего пережитого случился страшный припадок. Потрясенная Мария Дмитриевна увидела, как ее муж вдруг с диким воем и помертвевшим лицом грохнулся на пол, стал биться в судорогах и потерял сознание.¹⁹⁷

¹ Достоевский Ф. М. Письма.— Т. 1.— С. 197.

Этот припадок произвел на Марию Дмитриевну гнетущее впечатление; оно еще более усилилось, когда она узнала от докторов, что это эпилепсия и любой припадок может быть смертельный. Мария Дмитриевна зарыдала и начала упрекать мужа, что он скрыл свою болезнь. Но Достоевский ничего не скрывал — он действительно думал, что это просто нервные припадки.

Возможно, это была самая первая трещина в отношениях между супружами, которая, все углубляясь, привела к тому, что семилетний брак Достоевского и Марии Дмитриевны не принес им счастья. 31 марта 1865 года, через год после ее смерти, он писал Александру Егоровичу Врангелю — единственному свидетелю его первой большой любви: «О, друг мой, она любила меня беспредельно, я любил ее тоже без меры, но мы не жили с ней счастливо... Мы были с ней положительно несчастны вместе (по ее странному, мнимому и болезненно-фантастическому характеру), — мы не могли перестать любить друг друга; даже чем несчастнее были, тем более привязывались друг к другу»².

В целом же история этого несчастливого брака покрыта для нас тайной. Возможно, Мария Дмитриевна быстро поняла, что она обречена, и это сознание накладывало определенный отпечаток на ее отношения с близкими. Во всяком случае Анна Григорьевна Достоевская, конечно со слов самого писателя, свидетельствовала, что «обострившаяся болезнь» Марии Дмитриевны «сообщила особенную мучительность» ее отношениям с Достоевским².

Если же говорить о Достоевском, то можно с уверенностью сказать: он переживал, что у Марии Дмитриевны не было детей. Когда его старший брат женился и у него пошли дети, он искренно и по-хорошему ему завидовал. И здесь человеческое совпадало с писательским. Мало кто

¹ Достоевский Ф. М. Письма.— Т. 1.— С. 398.
² Григорьев А. П. Достоевский.— М., 1962.— С. 198.

сумел так близко подойти к детской душе и так глубоко в нее проникнуть, как Достоевский. Многие очень любили детей, но писали о них с ласковым юмором взрослого человека и лишь слегка, словно кончиками пальцев, касались их мира. А Достоевскому душа ребенка открывалась полностью: ему как художнику был дан самый ценный человеческий дар — дар сострадания. И самым сильным побуждением к состраданию являются дети. Любопытно, что на похоронах Достоевского среди множества венков был венок и от русских детей.

Не исключено, что Достоевский все же терзался мыслью, что в Кузнецке Мария Дмитриевна предпочла ему Вергунова исключительно по любви, а та, в свою очередь, возможно, так и не смогла забыть тот страшный припадок Достоевского всего лишь через несколько дней после венчания.

Однако делая попытки понять, почему этот брак оказался несчастным, надо в любом случае отбросить как абсолютно лживые «факты», которые приводят в своей книге дочь писателя Любовь Федоровна Достоевская: «...накануне своей свадьбы Мария Дмитриевна провела ночь у своего возлюбленного ничтожного домашнего учителя... Она в сумерки ходила тайком к своему красивому учителю, последовавшему за ней в Семипалатинск, и обманывала таким образом людей и своего бедного мечтательного супруга... Тем временем, пока Достоевский преподавался в своей коляске (по пути в Россию.— С. Б.)... мечтам, на расстоянии одной почтовой станции за ним следовал в бричке красивый учитель, которого жена Достоевского возила всюду за собой, как собачонку. На каждой станции она оставляла для него спешно написанные любовные записки, сообщала ему, где они проведут ночь... Во время одной из обычных сцен, которые она делала своему мужу, она призналась Достоевскому во всем, рассказала свою любовную историю с молодым учителем со всеми подробностями. С утонченной жестокостью она со-

общила моему отцу, как они вместе смеялись и издевались над обманутым мужем, призналась, что она никогда не любила его и вышла замуж из расчета. «Женщина, хоть немного уважающая себя, не может любить человека, проведшего четыре года на каторжных работах в обществе воров и разбойников»¹.

В том же письме 31 марта 1865 года к Александру Егоровичу Врангелю, который не только знал хорошо Марию Дмитриевну, но и был свидетелем первых лет их любви, Достоевский писал: «Существо, любившее меня и которое я любил без меры, жена моя умерла... Помяните ее хорошим добрым воспоминанием... Это была самая честнейшая, самая благороднейшая и великодушнейшая женщина из всех, которых я знал во всю жизнь. Когда она умерла — я хоть мучился, видя (весь год), как она умирает, хоть и ценил и мучительно чувствовал, что я хороши с нею,— но никак не мог вообразить, до какой степени стало больно и пусто в моей жизни, когда ее засыпали землею. И вот уж год, а чувство все то же, не уменьшается»².

Это признание тем более поразительно, если учесть, что в последние годы жизни Марии Дмитриевны Достоевский страстно любил другую женщину...

Во второй половине 1859 года, через десять лет каторги и ссылки, Достоевский возвращается в Петербург, где ему разрешено проживать. Бывший каторжник и петрашевец с успехом выступает на студенческих вечерах. Чтение Достоевским «Записок из Мертвого дома» еще больше укрепляет его ореол мученика — жертвы царизма в глазах радикально настроенной молодежи 1860-х годов. По-

¹ Достоевская Л. Ф. Достоевский в изображении его дочери — С. 28.
² Достоевский Ф. М. Письма.— Т. 1.— С. 398.

«Ты вел себя, как человек серьезный, занятой... — пишет она ему в том же письме, — <который> не забывает и наслаждаться, напротив, даже, может быть, необходимым считал наслаждаться, на том основании, что какой-то великий доктор или философ утверждал, что нужно пьяным напиться раз в месяц»¹. Он уверял, что больше не живет с женой, а сам постоянно о ней думал и принимал все меры предосторожности, чтобы не нарушить ее покоя. Она говорила, что всю себя ему отдала, ни о чем не спрашивая и ни на что не рассчитывая, а он клянется, что любит ее, а с женой разойтись не хочет (она не понимала, что, как бы ни любил ее Достоевский, он бы все равно не бросил тающую на глазах чахоточную Марию Дмитриевну. Характерно, что через двадцать лет на вопрос, почему она в конце концов рассталась с Достоевским, она ответила: «Потому что он не хотел развестись со своей женой, чахоточной, так как она умирает»)².

Кризис в их отношениях наступил, очевидно, весной 1863 года, когда Аполлинария поехала за границу. Но ее отъезд, скорее, походил на бегство. Ехать они должны были вместе, но Достоевского задержали дела, связанные с закрытием журнала «Время». И хотя он несколько удивился, увидев, как она с легкостью согласилась ехать одна, все же был спокоен, назначив ей встречу в Париже.

Двадцать шестого августа 1863 года Достоевский приезжает в Париж и, весь полный радостного ожидания встречи с Аполлинацией, идет к ней. Вот как описывает эту встречу Суслова в своем дневнике:

«— Здравствуй,— сказала я ему дрожащим голосом. Он спрашивал, что со мной, и еще более усиливал мое волнение, вместе с которым развивалось его беспокойство. «Я думала, что ты не приедешь,— сказала я,— потому что написала тебе письмо».

— Какое письмо?

¹ Ф. М. Достоевский: Статьи и материалы.— Сб. 2.— С. 268.

² Гроссман Л. П. Путь Достоевского.— Л., 1924.— С. 154.

— Чтоб ты не приезжал...

— Отчего?

— Оттого, что поздно

Он опустил голову.

— Я должен все знать, пойдем куда-нибудь и скажи мне, или я умру.

Я предложила ехать с ним к нему. Всю дорогу мы молчали. Я не смотрела на него. Он только по временам кричал кучеру отчаянным и нетерпеливым голосом: «Vite, vite», причем тот иногда оборачивался и смотрел с недоумением. Я старалась не смотреть на Федора Михайловича. Он тоже не смотрел на меня, но всю дорогу держал мою руку и по временам сжимал ее и делал какие-то судорожные движения. «Успокойся, ведь я с тобой», — сказала я.

Когда мы вошли в его комнату, он упал к моим ногам и, сжимая обняв, с рыданием мои колени, громко зарыдал: «Я потерял тебя, я это знал!» Успокоившись, он начал спрашивать меня, что это за человек. «Может быть, он красавец, молод, говорун. Но никогда ты не найдешь другого сердца, как мое».

Я долго не хотела ему отвечать...

Я ему сказала, что очень люблю этого человека.

— Ты счастлива?

— Нет.

— Как же это? Любишь и несчастлива, да возможно ли это?

— Он меня не любит.

— Не любит! — вскричал он, схватившись за голову в отчаянии.— Но ты не любишь его, как раба, скажи мне, это мне нужно знать! Не правда ли, ты пойдешь с ним на край света?

— Нет, я... я уеду в деревню,— сказала я, заливаясь слезами¹.

¹ Суслова А. П. Годы близости с Достоевским: Дневник — по весть — письма.— М., 1928.— С. 50—51.

Аполлинария рассказала, что она сошлась в Париже с испанским студентом Сальвадором — молодым красивым с «гордым и самоуверенно дерзким лицом». Но для него это было лишь мимолетное развлечение. Повторяется ситуация первой большой любви Достоевского, когда Мария Дмитриевна в Кузнецке предпочла ему учителя Вергунова. Снова претворяется в жизнь сюжет «Униженных и оскорбленных», и Достоевский, как и герой этого романа Иван Петрович, утешающий Наташу, уже становится другом и братом Аполлинарии и по-братьски и по-дружески успокаивает и утешает ее, пытаясь уладить ее сердечные дела.

Аполлинария наслаждается такой ситуацией и ведет любовную дуэль рассчитанно и коварно. Любовь ее постепенно превращается в ненависть. В сентябре и декабре 1864 года она записывает в своем дневнике:

«Мне говорят о Ф^{<едоре>} М^{<ихайловиче>}. Я его просто ненавижу. Он так много заставил меня страдать, когда можно было обойтись без страдания. Теперь я чувствую и вижу ясно, что не могу любить, не могу находить счастья в наслаждении любви потому, что ласка мужчин будет напоминать мне оскорблений и страдания... Когда я вспоминаю, что была я два года назад, я начинаю ненавидеть Д^{<остоевского>}, он первый убил во мне веру...»¹

Даже если допустить эмоционально преувеличенный характер этих записей, мы все равно не можем проникнуть в последнюю тайну этой любви-ненависти Достоевского и Сусловой, как не можем проникнуть в тайну несчастного брака Достоевского и Марии Дмитриевны.

Не повторяя уже сказанного, добавим, что любовь-ненависть могла пытаться и несомненно питалась глубокими идеинными расхождениями между верующим монархистом Достоевским, каким он вернулся после каторги и ссылки, и страстной нигилисткой Сусловой, неистово от-

¹ Суслова А. П. Годы близости с Достоевским.— С. 92, №.

рицавшей весь «старый мир» и даже готовой примкнуть к антиправительственному террору.

Обратим внимание на то, что вышеприведенные дневниковые записи сентября и декабря 1864 года сделаны Аполлинарией в то время, когда Достоевский продолжал ее страстно любить, о чем она прекрасно знала. Мало того, эти записи сделаны после 15 апреля 1864 года, когда умерла Мария Дмитриевна и Достоевский уже делал Аполлинарии предложение стать его женой: иначе он и не мыслил себе отношения с любимой женщиной. Он простил ей Сальвадора и готов был простить кого угодно.

Но на неоднократные предложения стать его женой Суслова отвечала отказом. Сусловой нравилось мучить его, ибо она знала, «какой он великодушный, благородный! какой <у него> ум! какое сердце!», — как записала она в том же дневнике².

Думается, в том, что любовь превратилась в ненависть, виновата прежде всего и главным образом Аполлинария. В натуре ее самой сидел изначально какой-то бес мучительства, и она это отлично сознавала, когда делала, например, такую запись в дневнике: «Мне кажется, я никогда никого не полюблю»². У нее с самого начала было двойственное отношение к Достоевскому, и искренняя любовь к нему сочеталась в ней всегда с такой же искренней жестокостью и деспотизмом по отношению к нему. Герой «Игрока», безусловно, имеет в виду ее характер, когда говорит: «Все это она удивительно понимает, и мысль о том, что я вполне верно и отчетливо сознаю всю ее недоступность для меня, всю невозможность исполнения моих фантазий,— эта мысль, я уверен, доставляет ей чрезвычайное наслаждение, иначе могла ли она, осторожная и умная, быть со мной в таких короткостях и откровенностях».

¹ Суслова А. П. Годы близости с Достоевским.— С. 48.

² Там же.— С. 57.

детьми — они сразу поняли, что предстоящий брак может положить конец их материальному благополучию.

В 1866 году Павлу Александровичу Исаеву — сыну Александра Ивановича и Марии Дмитриевны Исаевых — исполнилось двадцать лет. Это был довольно эгоистичный и недобрый молодой человек, он называл Достоевского «отцом», когда надо было в очередной раз получить от него деньги, умело вызывал его жалость, как круглый сирота. Он нигде не служил и не учился, считая, что «отец» будет помогать ему до конца своей жизни (так и случилось), а после его смерти станет единственным наследником и будет жить на доходы от издания его сочинений. И вдруг такой удар, такая неожиданная «измена».

Точно так же отнеслась к известию о предстоящем браке Эмилия Федоровна. В 1866 году ей исполнилось сорок четыре года. Она и ее четверо детей, которые пока еще ничем ей не помогали (хотя одному сыну было 24 года, а другому 20), уже два года регулярно получали материальную помощь от Федора Михайловича и считали вполне естественным жить за счет Достоевского.

Был еще и внебрачный сын Михailа Михайловича — Ваня Аникиев и его мать Прасковья Петровна Аникиева, которые также пользовались материальной поддержкой писателя. В начале 1860-х годов оставил службу по болезни младший брат писателя Николай Михайлович Достоевский (1831—1883) — талантливый инженер и архитектор. Федор Михайлович относился к нему, почти низенствовавшему, с особенной любовью и состраданием и помогал материально до конца своих дней (Анна Григорьевна продолжала это делать и после смерти Достоевского).

Николай Михайлович нарисовал довольно колоритную картину, относящуюся к весне 1865 года и свидетельствующую о том, что Достоевский действительно стремился прокормить семью Михаила Михайловича: «В семействе покойного брата бываю раз в месяц Брата Федора вижу там же... Я не видел подобного человека. Браг предался

весь семейству, работает по почам, никогда не ложится спать ранее 5 часов ночи, работает как вол; а днем постоянно сидит и распоряжается в редакции журнала. Надо пожить и долго пожить, чтобы узнать, что за честнейшая и благороднейшая душа в этом человеке, а вместе с тем я не желал бы быть на его месте. Он, по моему мнению, самый несчастный из смертных. Вся жизнь его так сложилась. Он никогда не пожалуется и не выскажет всего, что у него может быть накоплено на сердце; вот почему эти строки и вырвались у меня»¹.

И Павел Александрович Исаев, и Эмилия Федоровна Достоевская не скрывали своего недовольства. Однако когда лобовая атака не удалась — Федору Михайловичу сказали, что он ставит себя в глупое и смешное положение, что в таком возрасте не заводят семью, а главное, у него есть обязанности перед родственниками, Достоевский, рассердившись, выставил пасынка из кабинета, — они сменили тактику и стали как бы незаметно, но тем больше наносить мелочными обиды Анне Григорьевне, ставя ее в неловкое положение перед будущим мужем.

Мать Анны Григорьевны, Анна Николаевна Сниткина, которую Федор Михайлович успел очаровать в первый приезд, не стала возражать против свадьбы дочери, правда, и большого восторга не выразила. (Справедливости ради надо отметить, что впоследствии, убедившись в прочности брака дочери, она неоднократно приходила на помощь Достоевским в особо трудные для них периоды жизни.)

Если Федора Михайловича отговаривали от брака с такой юной девушкой, то родственники и друзья невесты стали, в свою очередь, внушать, что нельзя вступать в брак с таким пожилым человеком. Много лет спустя, когда дочь спросила Анну Григорьевну, как же она все-таки

¹ Волоцкой М. В Хроника рода Достоевского. 1506—1933.—М., 1933.—С.352.

Редакция «Русского вестника» согласилась выдать ~~ни~~атель новой аванс в тысячу рублей, и счастливые супруги выехали в Петербург. Анна Григорьевна была в таком приподнятом настроении, что даже забыла про сцену ревности, которую Достоевский устроил ей у Ивановых, когда она слишком долго и оживленно беседовала с одним молодым человеком (впрочем, не то что забыла, а просто дала себе слово не доставлять ему впредь никакого повода для этого).

А Достоевский не мог забыть. Для него это было что-то новое. Ведь он же ревновал, конечно, Марию Дмитриевну к учителю Вергунову, а Аполлинарию — к испанскому студенту Сальгадору, но он и вида не подавал, а вот Анне Григорьевне, зная, что она всецело предана ему, устроил целую сцену. Он пытался разобраться в своих ощущениях. И вдруг у него мелькнула парадоксальная на первый взгляд мысль. А может быть, потому и ревнует он, что знает, что Анна Григорьевна всецело предана ему, душой и телом, и с ней он чувствует себя совершенно естественно, раскованно и свободно в проявлении любых своих чувств, то есть именно с ней, с первой женщиной, он наконец-то почувствовал себя живым человеком — а сам он больше всего и превыше всего ценил в людях именно вот эту живую жизнь.

Но как когда-то Марию Дмитриевну и Аполлинарию поразило, что в ответ на их признания в любви к другому он ничем не выдал своего чувства и только утешал их, так и его удивило сейчас, что в ответ на его несправедливые, гневные и обидные упреки Анна Григорьевна просто заплакала. Он сразу же понял всю абсурдность своей ревности и так глубоко переживал случившееся, что Анна Григорьевна всю ночь утешала и успокаивала его.

Но даже эта сцена не смогла омрачить прекрасного расположения духа Аны Григорьевны: главное было в том, что «Русский вестник» дал им деньги и они могут ехать за границу. А ехать надо было непременно, ибо в

в Москве она лишний раз убедилась, как важно им хотя бы два-три месяца пожить вдвоем, без родственников. Исчезла некоторая отчужденность, намечавшаяся между ними в Петербурге. И вообще получилось так, что только в гостинице *Дюессе* в Москве, где они остановились, и начался для них настоящий медовый месяц. И даже вспомнив о сцене ревности, Анна Григорьевна подумала, что это же и есть лучшее доказательство того, как она дорога ему.

Петербургские родственники встретили в штыки проект совместной поездки за границу. Они потребовали, если поездка все же состоится, оставить им деньги на несколько месяцев вперед. Наседали и кредиторы по журналу «Эпоха». Получалось, что ни о какой загранице и думать было нечего.

Анна Григорьевна была в полном отчаянии. Но неожиданно для родственников, друзей и знакомых эта совсем почти девочка продемонстрировала такую волю и силу характера, что поразила и всех окружающих, и прежде всего своего мужа. Он никак не мог себе представить, что его Аня вдруг способна на такой шаг.

А Анна Григорьевна интуитивно почувствовала, что речь идет не просто о спасении их брака,—речь идет о спасении его творческого гения. Она решает заложить все свое приданое (мебель, серебро, вещи) и на эти деньги 14 апреля 1867 года молодожены уезжают за границу.

«...Я поехал, но уезжал я тогда со смертью в душе: в заграницу я не верил, то есть я верил, что нравственное влияние заграницы будет очень дурное,—рассказывает Достоевский о своих мрачных предчувствиях А. Н. Майкову.— Один... с юным созданием, которое с наивною радостью стремилось разделить со мною странническую жизнь; но ведь я видел, что в этой наивной радости много неопытного и первой горячки, и это меня смущало и мучило очень... Характер мой больной, и я предвидел, что она со